

A black and white portrait of a man with dark hair, wearing a suit and tie, looking intensely at the camera. His hand is visible near his chin, with red, blood-like stains on it. The background is dark and out of focus.

Артем БОРОВИК

СПРЯТАННАЯ

ВОЙНА

СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО

Артем Боровик

Спрятанная война

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=148965

Аннотация

Эту книгу Артема Боровика необходимо прочесть сегодня, когда война в Афганистане представляется туманным прошлым (тем, кто там не был). Артем Боровик там был и собирал материал для книги в самых «горячих» точках Афганистана: в районах боевых действий, на сторожевых заставах, в ночной засаде со спецназовцами, летал на истребителе.

«Разумеется, предлагаемая читателю документальная повесть „Спрятанная война“ – вещь субъективная и не претендует на то, чтобы дать полную историю войны в Афганистане или каких-либо событий, связанных с ней. Скорее это рассказ о том, что сам автор видел и испытал в Афганистане. О том, что человек делает на войне, и что война делает с ним.»

Автор

Содержание

Вместо предисловия	4
I	26
II	34
III	38
IV	44
V	54
VI	63
VII	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Спрятанная война

Артем Боровик

*Твое имя и подвиги были забыты
Прежде, чем высохли твои кости,
А ложь, убившая тебя, погребена
Под еще более тяжелой ложью.*

Джордж Оруэлл «Памяти Каталонии»

Вместо предисловия

Каждый из сотен тысяч прошедших через эту войну стал частью Афганистана, частью его земли, которая так никогда и не смогла поглотить всей пролитой на ней крови. А Афганистан стал частью каждого воевавшего там.

Впрочем, "Афганистан" – это не страна и уже больше года как не война. "Афганистан" – это скорее молитва, обращенная не столько к Богу, сколько к самому себе. Шепчи молитву эту перед сном ровно столько раз, сколько людей погибло там. Выплевывай это слово, выбрасывай его быстрее автомата. И если повезет, быть может, где-то на пятнадцатой тысяче ты поймешь, услышишь его изначальный тайный смысл.

Идиоты называли Афганистан "школой мужества". Идиоты были мудрецами: сами они предпочитали в эту шко-

лу не ходить. Они полагали, что это "интернациональный долг", "битва с наймитами империализма на южных рубежах Отчизны", "решительный отпор агрессии со стороны региональной реакции" и все такое пятое-десятое... – словом, они убеждали себя и заодно страну в том, что Афганистан "обра- щает несознательных юнцов в стойких борцов за нашу коммунистическую веру".

Но Афганистан был никчемным университетом для юного атеиста. Именно там ты начинал верить в абстрактное существование Добра и Зла, хотя через пару месяцев и обнаруживал, что в итоге их противоборства Добро отнюдь не всегда выходит победителем. Чаше наоборот. Зло было везде и всем сразу: "духом", потом "мятежником", чуть позже "повстанцем", пока не превратилось в "вооруженную оппозицию". Иногда оно выступало в образе ротного, "прапора", "дедушки", которому осталось всего два месяца до дембеля. Но где пряталось Добро, знало лишь оно одно. И постепенно ты начинал ценить просто-напросто доброту – так оно верней. Добро – доброволец – интернационалист – Афганистан – смерть. За добро не жди добра – уже это точно.

В апреле 87-го и я познакомился со снайпером, у которого тыльная сторона грязного подворотничка была исписана словами из псалма – 90: "Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое. Бог мой и уповаю на Него..."

Война давала столько поводов, чтобы стать циником. Или

убежденным мистиком. Каждый месяц – а на боевых – каждый, бывало, день – она заставляла тебя мучиться в поисках ответа на извечный вопрос: "Господи, почему его, а не меня?! И когда же – меня? Через минуту или через пятьдесят лет?"

Сегодня солдат возносил молитву тому, кого на следующий же день проклинал.

И наоборот.

Помню, лет пять тому назад – кажется, в Кандагаре – паренек, только что прибывший туда после учебки, во время обстрела шептал быстро-быстро: "Мамочка, возьми меня в себя обратно! Мамочка, возьми меня в себя обратно!.." А другой, оставшись без рук и глаз, отправил из госпиталя письмо отцу "На черта ты, старый хрен, сделал это девятнадцать лет назад?!"

В одном из наших монастырей и познакомился с болезненного вида человеком, который в конце разговора переспросил: "Вы были в Афганистане? Когда? Хм. И мне довелось..." Что за историю поведал мне он! Как-то раз пошел он в камыши по нужде, а в это время начался обстрел.

Парень поклялся, что, если ему будет спасена жизнь, он уйдет в монастырь. В тот самый момент ребят из его отделения, стоявших на блоке неподалеку, накрыло прямым попаданием из миномета.

Он рассказал и больше не проронил ни слова. Я по привычке продолжал атаковать его длинной очередью вопросов.

Он стиснул зубы, повернулся резко, на армейский манер, и ушел.

Вот тогда-то я и понял, что в этой войне вообще ни черта не смыслю.

В 86-м под Баграмом я почти сутки провел с заместителем командира роты по политчасти Сашей Бородиным.

Дело было числа пятнадцатого июня.

Поразила печать смерти на его лице: бывает и такое. Когда видишь ее – мурашки по загривку. Гибельность в тот день витала в воздухе.

...А через неделю с гаком, 24 июня, его невеста – по другую сторону границы, в Крыму, в поселке Щепкине – собралась на школьный выпускной бал. Белой материи в магазинах не нашли и, сшив себе платье из черной, отправилась танцевать. Когда Тамара Петровна, мать замполита, узнала про черный цвет, задохнулась, беспомощно зашарила глазами, ноги ее обмякли. Она еще крикнула иступленно в телефонную трубку: "Почему же черный – сними черный! Ради Христа, сними черный!"

Но было поздно: кто-то (кто?) уж очень хотел, чтобы девочка в свои семнадцать стала невенчанной вдовой.

24 июня, в тот самый час, когда в шелкинской средней школе начались танцы, заместителя командира роты Бородина тяжело ранило, а в 10.30 следующего дня он скончался.

"Черный тюльпан" доставил труп в Крым в холодном цинке.

Случайно случился случай? Стечение обстоятельств? Не знаю. Знаю другое: иногда то, в чем ты боялся молча признаться, чтобы не утратить остатки уважения к самому себе, оказывалось там, в Афганистане, всеобщей, но тщательно скрываемой манией.

Как-то раз в нужнике я стал невольным свидетелем страстной, неистовой молитвы дюжего сержанта-спецназовца. Я скорее мог поверить в самое невероятное чудо (например, что мы выиграем войну), но только не в то, что видел своими глазами. Парень был олицетворением несокрушимой мощи спецназа – надежды наших надежд, генштабовского идола-божества. Не помню, о чем конкретно он просил. Помню, что сортир был единственным безопасным местом в той части, куда не мог проникнуть вездесущий глаз замполита, который, скорее всего, тоже молился втихаря, но не там и не в то время. Да и просил замполит, должно быть, о другом. О чем? Я готов был проторчать в той части на пару недель дольше, еще одну ночь пролежать в засаде – лишь бы узнать ответ на заинтриговавший меня вопрос. Но в тех местах тогда ничего не происходило, и я уехал в Кундуз: здоровая жажда происшествий оказалась посильней нездорового любопытства.

Меня всегда интересовала не столько видимая сторона жизни, сколько ее затемненная, если угодно – мистическая сторона.

Говорят, если хочешь понять явление, войди в него через

черный ход. Но где искать начало нитки, образующей клубок тайн под названием "война в Афганистане"?

Сказать, что это была ошибка, – значит ничего не сказать: как известно, найти ошибку значительно легче, чем истину.

"Франц Фердинанд жив! Первая мировая война была ошибкой".

"Брежнев был не прав! Война в Афганистане была ошибкой".

Эти фразы стоят друг друга.

Но люди, тщаь объяснить себе что-то, часто довольствуются бессмысленной фразой, видимостью.

Даже если завтра общественности предоставят все секретные документы, связанные с решением войны в Афганистане, это вряд ли прольет свет на истину, но, возможно, еще больше запутает клубок.

Конечно, было бы любопытно ознакомиться с секретными телеграммами, которые слали из Кабула в Москву в 79-м году представители МИД, КГБ и Минобороны – Пузанов, Иванов и Горелов.

Было бы интересно узнать, что сообщил руководству начальник Главпура Епишев, посетивший Афганистан вскоре после Гератского восстания и встретившийся там как с Таракки, так и с Амином. Или какие впечатления вывез из Кабула Главком сухопутных войск Павловский? Или почему застрелился в конце декабря 79-го заместитель Щелокова генерал Попутин, незадолго до самоубийства ездивший в Аф-

ганистан? Какого рода переговоры велись между Бабраком Кармалем и советским руководством весной и летом 79-го? Что привело Чурбанова в Афганистан вскоре после начала девятилетней войны? Какие дары преподносили советским официальным лицам те афганцы, которые получили высокие государственные посты у себя в стране сразу же после ввода 40-й армии? Почему, наконец, было дано указание убить Амина?

Но все это легкие вопросы. Есть и посложней. Однако дело даже не в них.

Сегодня исследователи дают самые разные объяснения тому, что произошло 27 декабря 79-го года.

Одни полагают, что Брежнев и его коллеги, решив послать войска в Афганистан, хотели убить сразу двух зайцев: уничтожить вооруженную оппозицию и убрать Амина, чтобы привести к власти группировку во главе с Бабраком Кармалем. Международный отдел ЦК КПСС, МИД и КГБ связывали с именем этого человека надежды на объединение НД-ПА, распавшейся на две фракции – Хальк и Парчам. Вывод же войск, как мыслилось, был бы осуществлен потом в обмен на прекращение зарубежной финансовой и военной помощи повстанцам.

Другие считают главной причиной войны то, что Брежнев, который целовался взасос и обнимался с Тараки во время краткой остановки последнего в Москве на пути из Гаваны в Кабул, не смог простить Амину, сместившему всего через

несколько дней после этого Тараки с поста президента и, более того, отдавшему приказ о его убийстве, такой откровенной наглости. Амин, рассказывала его вдова, был отравлен нашим агентом-поваром, а потом убит при штурме его дворца советскими специальными подразделениями.

Бабрак Кармаль, прибывший в Кабул на нашей броне, объявил себя новым правителем Афганистана, а Амина – агентом ЦРУ. Дело дошло до того, что он затребовал у американского правительства секретные документы, подтверждавшие это. Советская пресса активно поддержала такую версию.

Многие данные свидетельствуют о том, что тогдашнее руководство КГБ действительно было обеспокоено деятельностью Амина. Его левацким креном во внутренней политике (террор против духовенства, интеллигенции и партийных кадров), а также его участвовавшими контактами с представителями США и Пакистана. Амин несколько раз просил Брежнева о встрече в любом месте и в любое время, однако ответом было лишь молчание Москвы. Есть основания полагать, что именно этим было вызвано его шараханье то в сторону Пакистана, то в сторону Америки. Нашу зоологическую шпиюноманию подхлестнул тот факт, что в юные годы Амин обучался в нью-йоркском Колумбийском университете.

Встретившись недавно с Бабраком Кармалем, я спросил его:

– Вы действительно верили в то, что Амин – агент ЦРУ?

– Я могу судить, – ответил Кармаль, – лишь по результатам его деятельности. Если бы американцы потратили сто миллиардов на дестабилизацию обстановки в Афганистане, они не смогли бы нанести ДРА столько вреда, сколько нанес стране Амин.

– Если исходить из подобной логики, – возразил я, – Брежнев, доведший СССР до ручки, был агентом сразу всех западных разведок.

В ответ Кармаль вспомнил очередную цитату В.И.Ленина, а потом, хитро улыбнувшись, спросил:

– Скажите, а в СССР еще не запретили упоминать имя Ленина?

И сам себе ответил громким смехом.

Однако объяснять девятилетнюю трагедию тем, что Леонид Ильич обиделся на строптивного Амина, – значит не объяснять ничего.

Академик Арбатов, хорошо знавший Брежнева и часто общавшийся с ним вплоть до последних дней жизни бывшего лидера, говорил мне, что к концу семидесятых годов Брежнев был не только не в состоянии принимать самостоятельные политические решения, но даже не мог вести осмысленную беседу более двенадцати-тринадцати минут: его внимание и интеллектуальные способности увядали на глазах.

– Когда они принимали решение, – сказал Арбатов, – то не советовались ни со специалистами, ни со своими внешнеполитическими советниками. Лично я узнал о вводе войск

по радио из сообщения "Голоса Америки". И тут же сказал об этом Добрынину. Мы с ним лежали тогда в больнице...

— Насколько мне известно, — сообщил мне другой приближенный к Брежневу человек, — Политбюро, собравшись 13 декабря, даже не голосовало по этому вопросу. Брежнев доложил о решении вводить войска, а Устинов тут же перешел к военной стороне дела.

Тем не менее версия о личной ответственности Брежнева получила широкое распространение. Одни утверждали, что таким образом Брежнев хотел оставить о себе память в истории России как о лидере, расширившим зону влияния Советского Союза на Востоке. Другие доказывали, что Брежневу импонировало стремление Петра пробиться к теплым морям. По их мнению, следующим на очереди был Пакистан или Иран.

Но один наш высокопоставленный мидовский функционер вполне логично доказывал мне, что во всем виноваты военные. Что именно они запугали Брежнева скорой высадкой американского десанта в "нашем южном подбрюшьи".

— Иначе, — говорил он, — зачем было вводить в Афганистан части ПВО? Повстанцы-то ведь авиацией не располагали. Генштаб боялся американского вторжения как реакции Белого дома на потерю Ирана. Да и вообще к середине семидесятых наши вояки достигли паритета с Америкой, и им во главе с Устиновым не терпелось опробовать где-нибудь свою мощь. Под рукой оказался Афганистан.

Однако такую версию категорически отверг генерал армии В.И.Варенников – в ту пору начальник Главного оперативного управления (ГОО), первый заместитель начальника Генерального штаба, а ныне заместитель министра обороны СССР и Главком сухопутных войск.

– Генштаб, – сказал он мне, – выступал против идеи ввода наших войск в Афганистан до тех пор, пока это не приняло форму решения. Генштаб предложил такой альтернативный вариант: советским частям встать гарнизонами и в боевые действия не ввязываться... Сейчас ясно, что линия, которую предлагал тогда Генеральный штаб, была в принципе верной. И нам надо было отстаивать ее до конца, хотя это и таило в себе тяжелые последствия для защитников такой линии... К сожалению, в свое время мы поддались напору со стороны Бабрака Кармаля и позволили вовлечь себя в затянувшуюся войну.

Подобная точка зрения генерала армии (после публикации в Огоньке") вызвала бешенство Бабрака Кармаля.

– Со всей ответственностью, – говорил он, затягиваясь "Кентом", а я слышал свист в его легких, – заявляю, что до начала 1980 года я ни по закону, ни на практике не был ни руководителем Афганистана, ни тем человеком, который пригласил в мою страну советские войска... Надо сказать, что действия советских войск в Афганистане, особенно на начальном этапе, не могли не вызвать недовольства народа.

Здесь можно упомянуть и о наступательной тактике веде-

ния боевых действий, и о проверке новых видов оружия, и о провокационных бомбардировках, происходивших вопреки моей воле, воле афганцев и ряда советских офицеров. Это общеизвестно, что я неоднократно хотел подать в отставку...

Если хотите знать мою точку зрения, то надо было думать в самом начале. Если ввод войск – ошибка, то она проистекает из непонимания Афганистана, плохого знания этой страны и характера афганцев.

Но кто же тогда пригласил советские войска в Афганистан – Кармаль, который этого не признает и который не был уполномочен приглашать? Или Амин, который был убит через несколько часов после ввода войск?

Многие военные и мидовцы говорили мне, что сценарий, по которому развивались события в Афганистане, был разработан в КГБ.

– Понимаешь, – заметил один из них, – время от времени спецслужбы должны доказывать политическому руководству страны оправданность и необходимость своего существования, а также тех безумных финансовых затрат, которые идут на обеспечение их деятельности. Поэтому периодически они создают заговоры, а потом сами же их успешно раскрывают и нейтрализуют.

Человек, близко знавший Ю.В.Андропова, сказал мне, что сперва бывший председатель КГБ не поддержал идею ввода войск, но потом все-таки победил рефлекс, выработанный у него еще четверть века назад в Венгрии, где он был

послом и куда бросили войска в 56-м. Андропов, как и многие его сверстники в Кремле, временами смотрел на Афганистан как на вторую Испанию, с событиями в которой ассоциировались в его сознании молодость и "победоносное шествие социализма" в СССР. Почему бы не повторить?

Кремлевские старцы и впрямь слепо любили коммунизм и идею мировой революции, но с годами эта любовь приобрела извращенный характер.

Однако мне приходилось встречать троцкистов, которые утверждали, что Россия вторглась в Афганистан для того, чтобы подавить афганскую революцию. Подобные заявления находили сочувствие среди иных халькистов, недовольных тем, что Москва привела к власти парчамиста Кармалю.

Почему, спрашивали они, вы делали все, чтобы защитить частную собственность и передать власть среднему сословию, а не революционному беднячеству?

А бывший государственный секретарь США Александр Хейг сказал мне, что Москва вторглась в Афганистан потому, что была обеспокоена укреплением пояса исламского фундаментализма на своих южных рубежах.

– Советский Союз, – заметил он, – и Афганистан разделяет лишь тонкая линия Амударьи. И потому любое мощное исламское движение на ваших южных рубежах неизбежно отразится на советских мусульманских республиках.

Логика Брежнева объяснима.

Однако с Хейгом никогда бы не согласился Кармалю, ко-

торый склонен рассматривать советскую военную помощь как проявление личной благосклонности к нему со стороны Брежнева И тем не менее у бывшего государственного секретаря найдется масса сторонников. Иные из них идут еще дальше, заявляя, что девятилетняя война была последним крестовым походом на Восток, превентивной битвой христиан с мусульманами перед массированным и окончательным наступлением последних Я знавал религиозных фанатиков, видевших в этой войне противостояние Христа и Аллаха. И вспоминал о них в Кабуле, когда тамошние дукашники говорили мне: "Русский солдат всегда шел с севера на юг. Теперь он впервые уходит с юга на север. И он будет отступать все дальше и дальше. Аллах свидетель".

А Гульбеддин Хекматиар, один из лидеров афганской вооруженной оппозиции, заявил в мае 1987 года: "Если моджахеды будут настойчиво продолжать борьбу, недалек тот день, когда оккупированные земли в советской Средней Азии будут освобождены".

– Отдаленная возможность того, что такое может случиться в какой-то момент в будущем, – убежденно говорил Александр Хейг, – и вынудило Красную Армию войти в Афганистан в 1979 году.

Однако если и допустить, что слова генерала несут в себе намек на истину, то 8 марта 1987 года, когда повстанческий отряд Ортабулаки обстрелял реактивными снарядами

через границу таджикский городок Пяндж¹, полувоображаемая опасность разрастания мусульманского пояса неожиданно трансформировалась в кошмарную возможность.

...А тогда, весной 79-го, Кремль с опаской наблюдал за действиями Вашингтона в Афганистане. Москва была убеждена, что Вашингтон видел в нем не только первый и долгожданный пример краха революции под натиском вооруженной оппозиции, но и шанс расшатать советские мусульманские республики.

Тем временем советское посольство в Вашингтоне информировало Москву о том, что тогдашнему помощнику президента США по вопросам национальной безопасности Збигневу Бжезинскому удалось убедить колебавшийся государственный департамент в том, что укрепление альянса Москва – Кабул угрожает безопасности США, а также что, если удастся скорректировать должным образом развитие ситуации в Афганистане, это сможет принести США существенную политическую выгоду. Как отмечалось чуть позже в очередном сообщении госдепа, "смена власти в ДРА продемонстрирует всему миру, и в особенности "третьим странам", что убежденность Советов в исторической неотвратимости социализма не всегда оправдана".

Начиная с апреля 1979 года работники американского внешнеполитического ведомства начали под давлением Бже-

¹ Подробно этот эпизод описан в документальной повести А.Боровика "Встретимся у «Трех журавлей»". (Прим, ред.)

зинского регулярные встречи с лидерами афганской вооруженной оппозиции.

Каждое новое сообщение из-за рубежа увеличивало нервозность в Кремле.

Более десяти лет тому назад в Пакистане к власти пришел правый военный режим, свергнувший прогрессивное правительство Бхутто.

Зия-уль-Хак видел в обострении афганского конфликта уникальную возможность добиться резкого увеличения американской военной и финансовой помощи Пакистану. Аналогичным образом размышляли и преемники Мао, заложившего незадолго до смерти неплохие основы для американо-китайского сотрудничества. Что же касается египетского президента Садата, прозванного после подписания Кемп-Дэвидского договора "предателем дела арабов", то он спешил реабилитировать себя в глазах мусульман всего мира, а поставки оружия мятежникам в Афганистан (преимущественно советского) открывали ему такую возможность.

Без помощи Египта, Китая, Пакистана и США афганской вооруженной оппозиции было бы нечем воевать. По крайней мере так или приблизительно так, как говорят, объяснял себе советский министр иностранных дел А.А.Громыко враждебные действия четырех стран.

Ни его, ни Устинова, ни Андропова, ни Брежнева уже нет в живых. И тайну, связанную с вводом наших войск в Афганистан, они не забыли прихватить с собой, но, правда, ве-

ликодушно оставили нам возможность свалить всю вину на них и тем самым спасти тех, кто еще здравствует. Воспользуемся ли мы этой "услугой"? Или будем копать глубже?

Если будем, то в данный момент меня интересует другой вопрос: где та точка отсчета роковых событий, начиная с которой все у нас в Афганистане пошло кувырком?

Может быть, все началось тогда, когда мы называли кабульский военный переворот 78-го года Апрельской революцией и сразу же превратились в рабов этой фразы? Или же все у нас пошло вразнос с 68-го года в Чехословакии, где мы доказали самим себе, что при помощи войск можно сохранить режим? Или когда мы сделали то же самое двенадцатью годами раньше в Венгрии?

Некоторые из нас, споривших об этом в Кабуле, полагали, что Афганистан начался точно в 56-м. Потому что, во-первых, тогда была Венгрия, а во-вторых, тогда мы приняли первую группу афганских офицеров и начали обучать их в наших военных училищах и академиях, а они через двадцать два года попробовали применить теорию на практике.

А если все для нас началось и кончилось в Афганистане еще за два года до установления русского протектората над Бухарой? Тогда, почти век назад, полковник Генштаба Глуховской, знаток Средней Азии, написал своему начальнику генералу Кауфману-Туркестанскому: "Никакие убеждения, советы, угрозы России не смогут пересоздать вековое устройство мусульманских государств..."

Или же все провалилось в тартарары, когда Россия презрела печальный опыт викторианской Англии в Афганистане? А он научил британцев тому, что лучше субсидировать мятежных племенных вождей, чем пытаться их утихомирить или уничтожить. Во всяком случае, стоило Брежневу лишь удвоить советскую экономическую помощь Афганистану, вместо того, чтобы посылать туда армию, и нам не пришлось бы сегодня раскаиваться в содеянном.

Еще сто лет назад один из английских военачальников в Афганистане, сэр Роберте, писал: "Нам не надо бояться Афганистана, и лучше всего предоставить ему самому решать свою судьбу. Может быть, это и не столь привлекательно для нас, но я чувствую, что прав, когда утверждаю: чем меньше они будут видеть нас, тем меньше будут ненавидеть. Даже если предположить, что Россия попытается вторгнуться в Афганистан или захватить через него Индию, у нас будет значительно больше шансов перетянуть афганцев на свою сторону, если мы воздержимся от какого бы то ни было вмешательства в их внутренние дела".

Чему мы, обуреваемые горделивой идеей мессианства, хотели научить афганцев, если сами не научились вести как следует собственное хозяйство? Скорей всего мы экспортировали не революцию, а застой.

Порой мы напоминали тех самых астронавтов из знаменитого фантастического романа Станислава Лема, которые, отчаявшись распознать сущность мыслящего океана на плане-

те Солярис, решили воздействовать на него пучками сверхжесткого рентгеновского излучения.

Астронавты полагали, что изучают Солярис, но на самом деле он изучал их.

Великие путешественники говорили: "Рели хочешь познать чужую страну, растворись в ней". Но нам и этого не удалось. Восемь миллиметров брони на протяжении всех девяти лет наглухо отделяли нас от Афганистана. Мы попытались понять страну, со страхом глядя на нее сквозь триплекс бронетранспортера.

Мы полагали, что воздействуем на страну при помощи телевидения, бомбардировочной авиации, шкоп, танков, книг, артиллерии, газет, новых видов оружия, экономической помощи и АК-47, но редко задумывались над тем, какое воздействие оказывал на нас Афганистан, пропуская через себя сотни тысяч советских солдат, офицеров, дипломатов, журналистов, ученых, партийных и военных советников.

Трудно определить, чему нам удалось научить Афганистан, однако много легче установить степень влияния Афганистана на советских людей, воевавших и работавших там.

Старческим мановением брежневской руки они были брошены в страну, где подкуп, взяточничество, бесчестность, спекуляция, наркотики были не менее обычны, чем у нас очереди в магазинах. А эти инфекционные болезни опасней тифа или гепатита. Особенно если они приобретают характер эпидемии.

Наш советнический и офицерский корпус моментально поделился на две фракции – Хальк и Парчам. И та война, которая шла внутри НДПА, переметнулась и на членов КПСС, работавших в Афганистане. К середине 80-х уже не собака виляла хвостом, но хвост – собакой.

Время шло, и мы постепенно стали походить на Балаганова и Паниковского, которые давно поняли, что золота в гирях нет, но все равно продолжали пилить их с еще большим остервенением.

Война тянулась девять долгих лет – почти одну седьмую часть всей советской истории.

В восьмидесятом году 40-я армия была такого же возраста, что и я: большинству солдат не перевалило еще и за двадцать. Но в последний раз, когда я был в Афганистане, с холодным ужасом вдруг заметил, что теперь армия младше меня на 10 лет.

Одно "поколение входило в Афганистан. Совсем другое его покидало.

По официальной статистике, за годы войны мы потеряли в "нашем южном подбрюшьи" около 15 тысяч людей, были ранены 36 тысяч. Без вести пропавших – более 300 человек.

Дрожащий росчерк пера дряхлеющего "полковника" стоил нам около 60 миллиардов рублей.

Но разве можно сравнивать эти потери с потерями нравственными?

В Афганистане мы бомбили не повстанческие отряды и

караваны, а наши идеалы. Эта война стала для нас началом переоценки наших этических ценностей. Именно в Афганистане изначальная нравственность нации вошла в вопиющее противоречие с антинародными интересами государства.

Дальше так продолжаться не могло. И не случайно, что идеи перестройки победили именно тогда, когда война достигла своего пика, – в 85-м.

Но неужели за прозрение нам следовало платить ценою 15 тысяч молодых жизней?!

Вспоминается разговор между офицерами, услышанный в январе 89-го на баграмском аэродроме:

– Польза от этой войны, – сказал один из них, – хотя бы в том, что здесь мы вкусили от древа познания. Социализм потерял тут свою девственную непорочность.

Как заметил один наш генерал – ученый, с которым я близко сошелся в Афганистане, – все победоносные войны, которые вела Россия, вели к усилению тоталитаризма в стране, все неудачные – к демократии...

Я часто встречал людей, искавших позитивную сторону этой войны. Одни говорили так: "Нет худа без добра. Если бы не ввели войска сюда, то наверняка бы – в Польшу. А это стало бы еще большей катастрофой".

Другие утверждали, что в Афганистане мы испытали и довели до совершенства многие виды оружия и боевой техники.

Но таких было мало, и спорить с ними не стоило, по-

тому что они отличались непробиваемой твердолобостью и упрямством, подобно танку.

Однако не только сама война наносила ущерб нашей морали, но и многолетнее официальное вранье о ней в газетах и по телевидению. Я не виню журналистов. Если кто из нас и пытался писать правду, то военная цензура виртуозно превращала ее в ложь.

Человек, в той или иной мере связавший свою жизнь с Афганистаном, находясь там или регулярно приезжая туда, проходил приблизительно через четыре стадии понимания того, что там происходило.

Первая стадия (длилась обычно до трех месяцев, в зависимости от прозорливости или догматизма вновь прибывшего): "Война идет нормально, надо добавить еще двадцать-тридцать тысяч войск, и тогда вообще все будет чик-чик".

Вторая стадия (пять месяцев): "Уж коли мы ввязались в это гиблое дело, надо быстрее довоевывать. Тридцатитысячной добавкой тут не обойтись. Чтобы перекрыть границы, нужна еще по крайней мере одна армия".

Третья стадия (еще полгода): "Нет, братцы, что-то тут глубоко не так. Ну и вляпались же мы!"

Четвертая стадия: "Братва, надо делать отсюда ноги. И чем быстрее, тем лучше".

И армия последовала последнему совету. Ушла из Афганистана, как могучий штангист с помоста, не взяв веса.

I

К концу 1988 года большая часть 40-й армии уже покинула Афганистан, но почти пятидесятитысячное войско все еще оставалось там, ожидая команды на вывод.

Декабрь незаметно перешел в январь, и тот потащился медленно, с ленцой, словно длиннющий товарняк на подходе к конечной станции – с коротенькими просветами-днями между долгими, изматывающими терпение, мерзлыми гулками ночами.

К исходу первой январской недели потянул северный ветер, ударил мороз, в горах выпало еще на четверть снегу. Но на кабульских улицах он так и не появился, и ветер от нечего делать гонял проржавевшие консервные банки из-под солдатских сухпайков, пыль да песок.

Эвакуация нашего Центрального военного госпиталя (ЦВГ) началась 19 декабря, и сегодня, 9 января, там, по слухам, оставалось всего три-четыре врача, которые должны были улететь завтрашним утренним рейсом в Ташкент.

Вечером я поехал в госпиталь, чтобы выпросить необходимых лекарств: предстояло жить в Афганистане еще месяц с гаком.

ЦВГ, обычно столь шумливо-суетливый, поразил своей зловещей пустотой и остервенением, с которым он хлопал всеми окнами и дверьми. У стелы, бессмысленно устремлен-

ной в мглистое небо, в котором, судя по гулу и мигавшим огонькам, было больше транспортных самолетов, чем звезд, какой-то солдат, заломив крутую цену, попытался продать мне десять банок сгущенки.

Надпись на стеле, как и пять лет назад, утверждала, что "Советско-афганская дружба вечна и нерушима".

Три офицера-афганца в советских бушлатах, озираясь по сторонам, несли на тощих спинах ржавые кондиционеры, с мясом выковырянные из окон покинутых модулей. Время от времени истошно взывали пружины, вырываясь из прогнивших госпитальных матрацев. Со скрипом открылась и потом закрылась дверь с надписью "СЕСТРА-ХОЗЯЙКА": в этом кабинете два года назад мне накладывали повязку на колено после неудачного прыжка из вертолета, потом за чем-то делали анализ крови и, не дождавшись его результатов, через пару минут объявили, что анализ чист "как слеза ребенка".

Выйдя отсюда после перевязки, я, помнится, увидел парня на носилках, у которого оторвало обе ноги выше колен.

Взгляд его выплаканных глаз прошибал насквозь даже самых бронированных вояк. То был взгляд человека, который знал наперед всю свою и вашу жизнь. Это делало его еще больше похожим на веласкесовского карлика.

Память отчетливо воспроизводила увиденное и услышанное в ЦВГ за годы войны.

Казалось, сотни прошедших через этот госпиталь ране-

ных и больных, выживших и умерших, молчаливой толпой бродили следом за мной по темным, опустевшим коридорам.

Вот здесь, у этой самой операционной, я видел в июле 86-го солдата, совсем еще мальчика, у которого снесло осколком снаряда всю нижнюю часть лица: за три часа после ранения – он не терял сознания – солдат выстрадал не меньше, чем человечество за всю свою историю.

Потом кто-то додумался перевернуть его на живот, ткнув тем, что осталось от лица, в подушку, чтобы он не захлебнулся кровью.

В госпиталь меня, только что впервые приехавшего в Афганистан, отправил тогда бывший ЧВС 40-й армии генерал Щербаков. Он сделал это в ответ на наивную просьбу дать мне борт, чтобы лететь на боевые в район Рухи. "Езжай сначала в ЦВГ, поброди там, – сказал он, – и посмотри, что война делает с человеком. Остуди свой пыл, и после этого поговорим".

ЦВГ пыл мой не остудил, но помог еще раз убедиться в том, что вид чужих, более тяжких страданий превращает твои собственные переживания, до того казавшиеся безысходно-тупиковыми, в сущий пустяк. Глядя на смертельно раненных, чувствуешь, как где-то на самом донышке подсознания шевелится радостно-подлое: "Ух, не со мной! На этот раз – не со мной!"

...Сейчас я продолжал этот "вечерний обход" в поисках хоть одной живой души, пока не наткнулся на ведущего те-

рапевта, человека средних лет, деловито резавшего в одной из палат на окровавленном табурете кусок мяса.

– Баранина, – вовремя пояснил он. – Начальник психиатрического отделения и я готовимся к прощальному ужину. Милости просим.

Мясо, истекавшее кровью в госпитальной палате, подействовало на меня удручающе. Я отказался от приглашения, но не забыл попросить лекарств, которые потом, надеялся я, никогда мне не понадобятся. В массивном железном шкафу остались лишь таблетки седуксена, какие-то неведомые депрессанты и транквилизаторы. Я зачем-то набил ими карманы. Должно быть, из жадности.

Таблетки и впрямь так никогда мне и негодились. Их забрал у меня, обменяв на пару банок тушенки, десантник с меланхолически-потусторонним взглядом, служивший на 42-й заставе близ Саланга. Бросив пару "беленьких" в рот, парень пообещал "растянуть балдеж до самой до границы".

Мало того, что он знал наизусть официальные медицинские названия каждой таблетки (реланиум, элениум, амитриптилин и т.д.), но именовал каждую из них на своем смачном жаргоне. Помню лишь, что седуксен он прозвал "перпетуум кайф".

– Как кончилась история с вице-консулом? – спросил я терапевта. (Еще в прошлом году его привезли в госпиталь после того, как кто-то тщательно и жестоко избил его на собственной же вилле. Травм было много. В том числе про-

битый череп. Эхо этой истории разнеслось по всему Афганистану.) – У вице-консула поехала крыша, – ответил терапевт. – Вдруг потребовал автомат. Его спросили: к чему тебе АК?

– И что же он?

– Говорит, АК необходим, чтобы китов бить... Или ни с того ни с сего попросил отправить его на Дальний Восток.

– Зачем?

– Говорит, так он будет ближе к американцам. Словом, поперло подсознание... – Отрезав очередной кусок мяса, ведущий терапевт вытер взмокший лоб рукавом.

– Вы отправили вице-консула в Союз?

– Волен-с неволен-с... Мы с ним повозились – пусть теперь другие.

В прошлый приезд сюда я познакомился с парнем, лежавшим в психиатрическом отделении ЦВГ и обеспокоенным тем, что у него исчезла тень. Точь-в-точь как в пьесе Шварца. Логически, с пафосом в голосе он доказывал, что человек без тени не может, не должен жить. Несколько раз он пытался покончить жизнь самоубийством. Этот случай всплыл в памяти уже в Москве, когда Леня Раевский, "афганец", студент МГУ, поведал мне замысел своего киносценария, главными героями которого должны стать ветераны Афганистана, вернувшиеся домой с войны. От всех прочих людей их отличает одно – отсутствие тени. Был тут погребен какой-то страшный смысл, до которого невозможно докопаться.

ся на трезвую голову. Вот тогда я и понял: то, что происходило в Афганистане вне стен психиатрического отделения ЦВГ, и было истинным сумасшествием. А "психушка"

ЦВГ – лишь способ уйти, избавиться от безумия, именуемого войной.

Прежде всего давала сбой психика тех, кто воевал в составе десантно-штурмовых подразделений – наиболее самозабвенно и жестоко. Я знал одного из таких людей, прозванных здесь "рэмбовиками". Парень служил второй срок в Афганистане. Бросив в стакан с желтой жидкостью сухого спирта, пять ложек растворимого кофе и вылакав его до дна, он сказал: "Водка – вода. Спирт – горючее. Понимаешь, с головой мужика на войне происходит то, что с головой бабы во время аборта: рвутся логические связи... Пить будешь?" Я заколебался, потому что у меня от одного вида этой смеси нутро свело в морской узел, а он, должно быть, посчитал меня придурком, с которым и разговаривать-то без толку, не то что пить.

Начальник психиатрического отделения ЦВГ полковник Фролов, пришедший на прощальный ужин, сразу же отказался отвечать на мои вопросы.

Я спросил:

– Бойтесь?

Он сказал:

– Разве человека, который видит перед собой лужу и не идет в нее, следует называть трусом? Мне 50 лет. Я полков-

ник. К чему же мне портить самому себе жизнь?

Логика его была пуленепробиваемой.

Я вышел во двор.

Солдат опять предложил мне сгущенку: на сей раз цена была ниже, но все равно не по карману командированному в Афганистан журналисту.

Прислонившись спиной к стеле, содрогаясь, точно на электрическом стуле, всем своим миниатюрным телом, плакала женщина, одетая в военную форму. Слезы все еще текли из ее глаз, оставляя на обветренных щеках тонкие белесые от соли бороздки, словно полосы на вспотевшем конском крупе после резкого удара хлыстом.

– Вы не с пересылки? – спросила она, перемогая судороги в горле.

– Нет, просто журналист, – ответил я и тут же пожалел, что я не с пересылки, потому что женщина разрыдалась пуще прежнего. Губы ее задрожали. Разлетные брови сошлись у переносья.

– Я могу вам как-то помочь?

– Да как вы можете мне помочь в этом дурдоме? – Она по-детски, кулачками потерла мокрые глаза. – Вызвали меня сюда из Мазарей сделать один блатной аборт... Обещали отправить обратно – там все мои вещи остались – и забыли. Сегодня утром ездила на аэродром, погрузили нас всех в транспортники, вот-вот должны были взлететь... – она опять всхлипнула, – ..а потом согнали с борта и начали грузить ар-

мейские архивы. Все вещи мои уж небось разворовали...

– Прекрати истерику. – Резкий мужской голос раздался из-за моей спины. – И без тебя делов неуворот.

Это был майор, выскочивший на улицу в одной тельняшке. "

Он спросил:

– Вы кто?

Я сказал:

– Журналист.

– Прекрати реветь! – опять рявкнул он, подмигнув мне. – Видишь – журналист, так его и так... Ей-бо, прекрати!

– Да мне вот только сюдашеньки печать постави-и-и-ть, товарищ майор, – жалобно завывала она, – подпись и на пере-сылку отправь-и-и-ть...

Он сказал:

– Не обращайтесь на бабу внимания, товарищ журналист.

Как все бабы – дурная. Просто нервный срыв. Нештатная ситуация. Люди очень устали. Приезжайте завтра.

Я спросил:

– Но завтра здесь уже никого не будет, верно?

– Тогда не приезжайте завтра. Всего вам! – Он деланно улыбнулся, показав желтые, как дедово домино, зубы.

Майор взял женщину за руку и повел в модуль. На прощание она бросила мне через плечо скудную, жалкую улыбку.

Я прихватил эту улыбку с собой в дорогу. На память.

II

С каждым днем войск в Афганистане становилось все меньше, 40-я армия отходила на север, словно море в отлив, и ты, заскакивая днем в безоружное сопольство, чувствовал себя – вместе со всей дипломатической братией – зайцем в лесу, кишащем волками. Зайцем, который, прижав уши, судорожно сжимал в лапах здоровенный плакат: «Ребята, давайте жить дружно!» Теперь мы активно примирялись со всем лесом, а волков с недавних пор стали официально величать «вооруженной оппозицией».

Часто вспоминалась песенка, которую любил напевать знакомый парторг полка:

*По дороге по долине ехал полк в одной машине,
Но вдруг вышел серый волк – тогда мы его убедили:
Ты не бойся, старый волк, не щелкай зубами.
Мы кадрированный полк и тебя боимся сами.*

Армия уходила и в какой-то момент отобрала у журналистов давным-давно розданное им оружие – пистолеты Макарова.

Под опустевшей портативной кобурой на груди репортерское сердце забилося чуть быстрее.

Ветеран советского пресс-корпуса в Кабуле Лещинский

подбадривал всех тем, что "Макаров" был нужен лишь для того, чтобы в крайнем случае успеть пустить себе пулю в лоб: жизни бы он все равно не защитил.

– Ничего, – говаривал он, – при мне остались мои клыки!

И демонстрировал внушительный оскал, пожелтевший от здешней воды и сигарет.

По ночам пронзительно, словно нетопырь, кричал мулла: "Алла акбар! Алла акбар!" Раз три за ночь ему обязательно удавалось меня разбудить.

Но однажды я проснулся в холодном поту от кошмарного сна. Снилось поле, усеянное трупами. Даже очнувшись, я явственно чувствовал фиалковый запах мертвечины. Утром выяснилось, что просто-напросто сломался холодильник: он мелко, лихорадочно дрожал (тоже боялся, сволочь!) в гигантской луже крови, вытекшей из морозилки, которую мой предшественник месяца два назад плотно забил мясом. С тех пор на кухонном линолеуме остался, несмотря на все старания очистить, соскоблить его, бурый кровоподтек.

Кровоподтек всякий раз напоминал мне про тот сон, но чаще это делала сама война – кошмарный сон наяву. Как-то раз я раздобыл у приятеля "Толкователь ночных грез", чтобы разгадать суть видения, но оказалось, что до меня такая дрянь никому никогда не снилась.

– Глюки, брат, глюки! Но дальше будет хуже, – успокоил меня один наш кабульский старожил.

Иногда облака по небу проносились со скоростью истре-

бителей, хотя ветра не было и в помине. А когда он налетал, обрушиваясь на Кабул всей своей мощью, они неподвижно зависали, словно разбухшие аморфные белые вертолеты – души подбитых за десять лет Ми-8 и Ми-24. Ветер все чаще освистывал нас. И ни разу с тех пор как сошла листва осенью 88-го, он не шумел как аплодисменты.

Я часто вспоминал врезавшийся клинком в память визгливый фальцет коренастого майора из баграмской дивизии: "Ни пяди земли здесь нашей нет! Видишь квадрат тени под БТРом? Вот лишь его мы и контролируем". Но под тенью могло быть штук пять мин. Слова майора были красивыми, но разлетелись бы в прах, вместе с броней, подорвись на одной из них БТР.

Опасность таилась за той горой, пряталась под этим вот камнем...

Я все чаще просыпался с головной болью, потому что даже во сне зубы мои были стиснуты, как потом жаловались свидетели, до скрипа.

С восходом солнца, споро пробивавшегося сквозь скорлупу мглы, город светлел, а я храбрел.

Но заодно замечал, что комната стала еще меньше. Стены надвигались на меня. Каждый новый день отвоевывал метр за метром безопасного пространства. "Ни пяди земли здесь нашей нет..." Сквозь солнце, закрытое стальной решеткой, жалюзи, газетами, одеялом и занавеской, пробивался отраженный от сверкающего глетчера утренний солнечный свет.

Я долго брился,пил желудевый напиток "Бодрость" и ехал в представительство какой-либо советской организации звонить по городскому телефону – договариваться об очередном интервью с очередным "крупным деятелем местного розлива" – и всякий раз читал на аппарате надпись, от которой неизменно веяло пронизывающим холодом: "Внимание! Враг подслушивает!"

Ни пяди земли... Баграмский майор был прав.

Еще с первого приезда в Афганистан я потехи ради начал коллекционировать надписи – официальные и не очень, на вертолетах и на БМП, на прикладах АКМ и изнанке шлемов.

На тыльной стороне двери кабульского морга прочел такую: "Веселись, юноша, в юности своей. Но помни – и это суета!" Ничего подобного я не нашел бы здесь в 80-м, 81-м или 82-м. Но с тех пор прошло девять лет. Менялись надписи, и я вместе с ними.

III

Числу к десятому января я почувствовал, что мое кабульское житье подзатянулось, и стал готовиться к поездке на Саланг. На южных подступах к перевалу намечалась крупная армейская операция. О ней шушукались в городе. Официальных заявлений не было, но разговоры и в штабе, и в посольстве, и на журналистских виллах, и в дуканах крутились вокруг этой темы.

Призрак предстоящих боевых действий витал в колком прозрачном воздухе, постепенно обретая плоть в виде штабной нервозности, приготовлений к возможным контрмерам повстанцев – терактам и диверсиям в Кабуле.

На транспортнике Ан-12 ночным рейсом я добрался до Баграма и, выпросив там БТР, покатил на север. Мин можно было не бояться: мерзлую землю не так-то просто нашпиговать взрывчаткой.

Проскочив баграмский перекресток, где прошлой весной погиб известинский фотокорреспондент Саша Секретарев, мы подбавили скорости.

Дорога круто виляла на поворотах, извивалась меж скал, взлетала и падала.

Напротив меня в транспортере сидел прапорщик с мраморным лицом и серыми губами. Тело его ритмично подергивалось. Похоже, он слушал никем, кроме него, не слыши-

мую музыку и про себя танцевал. Танец начинался в глазах, захватывал губы и волной шел вниз. Плечи вытанцовывали рок-н-ролл, правый указательный палец с маслянистым колечком – видать, парню частенько приходилось стрелять из АКМ – выщелкивал быстрый ритм. Во взгляде была отрешенность, словно на рок-концерте в "Олимпийском".

– Прапорщик! – сказал я.

Он не отозвался.

– Прапорщик, слышь меня? – крикнул я.

Он сконцентрировал на мне свой блуждающий взгляд, лишь когда я крепко потряс его за плечо.

– Те че? – спросил он, не шевеля серыми губами.

– Нормально себя чувствуешь?

– Я себя вообще не чувствую, а ты меня нервируешь. На, послушай пару минут – и отзынь!

Он вытащил крохотные наушники из-под шлемофона и дал мне. Шнур от них вел в карман бушлата, где грелся дешевенький "уокмэн".

Я надел наушники и перенесся на "Концерт в Китае"

Жан-Мишеля Жарра. Пару минут я плавал в волнах электронной музыки. Нажав на кнопку "Стоп", я вновь услышал рев БТРа – этот "тяжелый рок" войны.

– В Кабуле купил? – спросил я.

– Военный трофей, – загадочно улыбнулся он.

Парень служил в Афганистане по второму заходу. Он почему-то счел нужным мне об этом сообщить.

Я спросил:

– Тебе одного раза показалось мало?

Он ответил:

– Понимаешь, старче, обрыдло мне все в Союзе. Иной раз случались приступы почти плотской любви-тоски по этой Богом, но не мной забытой земле. Ночью мне регулярно снился Афганистан, утром я смеялся, днем скулил, а вечером надирался до чертиков. Помню, как-то на очередной вечеринке дамочка средних лет ко мне подседа и сказала:

"Расскажите про войну". Я спросил: "Что вас, мамаша, интересует?" – "Ну, – ответила она, – например, приходилось ли вам убивать людей? Что вы при этом чувствовали?"

Я психанул, сорвался, заорал на нее: "Вы понимаете, что вы меня спрашиваете?! Нет, вы понимаете, о чем вы только что меня спросили?! Нельзя об этом вот так, как вы, спрашивать!"

Понимаете, нельзя-я!" Утром я проснулся с уже готовым решением ехать сюда опять. Ночью той снились московские православные церкви, но с исламской символикой – месяцами на куполах... Гони обратно мои наушники!

Оставшуюся дорогу он ехал, плотно сжав зубы. Его лицо луной белело в мглистых внутренностях брони.

Темнота растворялась в сверкающем горном воздухе.

День становился ночью. Кровоточащее солнце медленно сползало за горизонт, где-то там, у себя в берлоге, отлеживалось, зализывало полученные накануне раны. Но к утру

опять выглядывало и, с опаской озираясь по сторонам, отчаянно шло к зениту. Словно на жертву. И так каждый день.

Солнцу тоже досталось на этой войне. В него стреляли от нечего делать солдаты. Его проклинали, когда оно светило противнику в спину, а тебе – в глаза и слепота не позволяла вести прицельный огонь. На его восход молились мусульмане и наши летчики – когда по ним стреляли из ПЗРК² самонаводящимися на тепловой источник зенитными ракетами: если везло, ракеты уходили на солнце.

...Я как-то подсчитал, что половину всего времени, проведенного в Афганистане, затратил на дорогу, добираясь из одной точки в другую. Дорога эта иногда тянулась по воздуху, часто проходила сквозь просверленные скалы, бежала по земле. Она бывала скучной и страшной, дневной и ночной, покрытой льдами и песками, асфальтом и кровью. Десятки людей составили мне компанию за время перелетов и переездов, которым я давно потерял счет. Многих помню. Иных позабыл.

Все здесь увиденное и услышанное, понятное и нет, испытанное и прочувствованное, задуманное, но так и не осуществленное, обещанное и невыполненное, мечтавшееся и несбывшееся, все это так или иначе связано Дорогой, которая Бог знает откуда и куда ведет. Сколько бесплатных истин открыли, подарили или невольно поведали мне люди, встретившиеся на Дороге.

² Переносной зенитно-ракетный комплекс.

Помню парня с едва приметной дырочкой от серьги на розовой мочке правого уха. Саму серьгу он надевал по ночам, а по утрам снимал. Странную фамилию носил он – Пепел. Было ему не больше двадцати в то лето. За пару дней до дембеля и отлета в Союз я сказал ему, похлопав по плечу: "Ну, брат, теперь жить и жить – на полную катушку!" Пепел изумленно поглядел на меня из своей дали, хотя стоял в двух метрах, и ответил: "Черт побери, да я же весь седой внутри..."

В джелалабадской бригаде встретился мне сержант по кличке Мамочка. Мамочка не вышел ростом, и вся та сила, которая должна была пойти в рост, пошла в пронзительность взгляда. Словно мазохист, он радовался тому, что его бросила подруга в Харькове. На мой недоуменный вопрос он ответил коротко, но ясно: "Теперь будет легче воевать..."

На войне проще, когда человек несчастен. Меньше теряешь". Мамочка прощально улыбнулся и пожелал удачи. Но в глазах его я прочел фразу: "Чтоб ты, гад, сдох со своей безмятежной московской жизнью!"

В Кабуле мне рассказывали про парня, чуть было не попавшего в психиатрическое отделение из-за маниальной депрессии, в бездну которой вогнала его война. Мысль о самоубийстве медленно, но верно грызла его мозг, и, возможно, догрызла бы, если бы не "счастливый" случай – контузия, в результате которой парень просто-напросто забыл свое прошлое. Он был счастлив, потеряв память. Одинополчане по

очереди рассказывали ему историю его жизни, но он все время задавал один и тот же вопрос: "Ребята, а чего мы делаем в Афганистане?" Но никто не мог дать ему убедительного ответа.

А как забыть лейтенанта, встреченного в Ленинграде?!

Мы сидели в ресторане гостиницы "Пулковская" и болтали о всякой всячине. Рассказывать он умел так, как мало кто в Союзе писателей. Раздражала лишь его привычка причмокивать языком каждые три минуты. Я предложил ему зубочистку, а он в ответ поведал историю, после которой ни он, ни я не притронулись к еде на столе. Дело было где-то в районе Кундуза. Он с ребятами стоял на блоке третьи сутки.

Утром, на самой заре, начал бить снайпер и тремя прицельными выстрелами прикончил двоих: минометчика и радиста.

Пули ложились сначала в метре, потом в сантиметре от его головы. Снайпер будто издевался, всаживая пулю за пулей в самую грань между жизнью и смертью. Но каждая четвертая-пятая с чавканьем впивалась в мертвые тела рядом.

— Этот звук... Этот звук, с каким пуля входит в труп... Не дай Бог моему врагу услышать такое... Не дай...

IV

Прапорщик с «уокмэном» соскочил где-то на подступах к чарикарской «зеленке»³, а мы покатили дальше. Скорость пришлось сбросить: дорога была запружена полковыми тылами.

Окрепший к вечеру морозец схватил лужи, отражавшие покрасневшее небо, и трасса покрылась хрусткой коркой льда. На глаза попался беспомощно лежавший на обочине БТР с хвостом неведомого зверя на антенне. Под хвостом дрожал от ветра самодельный бумажный флажок, надпись на нем гласила: "Едем домой – не стреляйте!" По дороге между машинами сновали жители окрестных кишлаков – преимущественно мужчины, одетые в советские армейские бушлаты и вооруженные автоматами.

– Фирменные "духи", – кивнул на одного из них механик-водитель, когда мы в очередной раз остановились, – Из ахмадшаховских банд. Но, поскольку боевых уже давно не было, и мы, и они придерживаемся дружественного нейтралитета.

К нашему БТРу подбежал бачонок⁴ и, озорно блеснув улыбкой, крикнул мне:

³ Кодовое обозначение растительности.

⁴ На армейском жаргоне – ребенок.

– Эй, командор, давай быстрее у..., в Москва!

Еще недавно русский мат в устах афганских мальчишек невольно коробил меня. Но потом привык и к этому. Один из наших советников однажды пошутил: "По крайней мере хоть ругаться по-нашему мы их научили. И то дело!"

Я спросил бачонка:

– Эй, бача, поедешь со мной в Москву? Давай залезай в машину!

– Нет, командор, Москва – ..!

– Бача, а где хорошо? – вылез из люка черномазый водитель.

– Ахмад Шах – хорошо! А Москва твой – ..!

– Грубиян ты, братец! – улыбнулся водитель.

Бачонок что-то по-своему крикнул и побежал, сверкая голыми щиколотками.

Чарикарская "зеленка" теперь осталась позади и лежала, раскинувшись от горизонта до горизонта черным безмятежным морем. Воздух над ней был серым и прогорклым от сотен печных дымов, тянувшихся ввысь, сплетавшихся там и превращавшихся в акварельные рисунки абстракциониста.

Афганцы жгли все, что попадалось под руку, – резиновые покрышки, хворост, солярку из трубопровода и даже изношенные дырявые калоши с клеймом "Сделано в СССР".

Неподалеку шумела река, время от времени с отчаянным, свободным звоном взрывая толстую корку льда, пенясь вокруг горбатых валунов.

Сидевшие на обочине комендачи⁵, в когда-то белых, а теперь ставших серыми овчинных полушубках, грели ладони над ведром горячей соляры. Рядом лежал на брюхе танк, зарывшись правой гусеницей в серый сугроб. Метрах в двадцати от него чернела обугленная башня, устремив в небо разорванную пушку. Присоединившись к сгрудившимся вокруг огня солдатам, я выпил горячего чаю из раскаленной фляги – в моей позвякивали льдинки – и пошел в направлении КП дивизии.

Силы ее были растянуты на многие десятки километров вдоль дороги. Ушла на север тыловая колонна, но в Кабуле еще оставались два мотострелковых и один артиллерийский полки. Два мотострелковых полка стояли близ городка Джабаль-Уссарадж. Предполагалось, что дивизия будет идти в арьергарде армии на дорожном отрезке от Кабула до Джабаля, как его иной раз именовали наши. Около пяти тысяч людей отправятся в Ташкент на воздушных транспортниках Ил-76.

Девять лет войны крепко потрепали дивизию. Наибольшие потери пришлось на 84-й год, когда проводилась изнуряюще длительная Панджшерская операция.

Во время боевых действий против повстанческих отрядов Ахмад Шала Масуда многие люди померзли в высокогорных снегах, другие подорвались на минах, оставленных в Панджшере еще со времен такой же кампании 82-го года.

⁵ На армейском жаргоне – представители военной комендатуры.

Операция Панджшер-84 проходила нескладно, много было нестыковок, обернувшихся лишними жертвами. За один день в последних числах апреля дивизия потеряла сразу семьдесят человек в одном лишь батальоне. Он двигался по Панджшеру вдоль реки на юг. Вдоль левого берега шли две наши роты и одна афганская, по правому – одна наша и две афганские. Комбат находился справа. Жара стояла невыносимая. Противника не видать. Было принято решение не перенапрягать людей, идти не по тактическому гребню, а вдоль русла, не занимая высот. Но на КП полка передавалась ложная информация; поэтому командир полка в свою очередь докладывал наверх о занятии то одной, то другой господствующих высот.

Постепенно солдаты устали. Комбат дал команду на перекур. Люди плавно опустились на горячую землю, упершись спинами в РД. Дремотная тишина прерывалась лишь позвякиванием автоматов да чирканьем спичек. Запахло сигаретным дымком. В тот самый момент из трех точек батальон был атакован "духами". Ливень пуль обрушился на солдатские головы, распластывая и кромсая тела, вдавливая их в землю. Комбат рванулся в реку. Успел крикнуть:

"Ррр-а-а-а – аа..." Его мало кто слышал. Комбат сделал еще несколько шатких шагов по пенившейся быстрой речке, в сторону левого берега, но нечеловеческой силы удар в лоб повалил его в воду. Течение развернуло тело комбата, и река понесла на юг красные пряди его крови...

Несчастья в тот роковой апрель сыпались пулеметной очередью – одно за другим, одно за другим. Несколькими днями раньше "грачи"⁶, поднятые с авиабазы, пошли на Панджшер, но ущелье было закрыто, и штурмовиков отправили на запасные цели. В районе одной из них вели боевые действия части нашей воздушно-десантной дивизии. Не разглядев толком, что и кто там, внизу, они обрушили БШУ⁷ на своих же солдат...

В тот же месяц вызванные на подмогу вертолетчики, приняв за повстанческий отряд роту нашей мотострелковой бригады, действовавшей неподалеку от того места, где я сейчас находился, нанесли удар нурсами⁸ по ее позиции. Один из офицеров штаба ТуркВО, пытаясь спасти вертолетчиков, свалил всю вину на афганский 66-й мотопехотный полк 11 и дивизии, обвинив афганцев в расстреле советской роты. Но эта деза не прошла, так как в ходе расследования было установлено, что все ранения осколочные, а не пулевые...

Словом, всякое бывало на этой войне.

– Чаю хотите? Здорово намерзлись? – Начальник политотдела дивизии подполковник Иванов, не дожидаясь ответа,

⁶ На армейском жаргоне – самолеты Су-17.

⁷ Бомбово-штурмовой удар.

⁸ Неуправляемый реактивный снаряд.

бросил мне в кружку столовую ложку душистого грузинского чая. – Чарикар – это вам не Форт-Беннинг в жарком штате Джорджия. Снимайте бушлат и расстаньтесь наконец со своим автоматом. На сегодняшний вечер война отменяется. Вы – с сахаром?

Я много слышал о Николае Васильевиче Иванове от своих друзей, но ранее встречаться с этим человеком мне не доводилось. По оценкам людей, которые сталкивались с ним и на боевых, и в повседневной жизни дивизии, Иванова отличали редкостная порядочность, стопроцентная неподкупность, светлый ум, способность смотреть широко и различать полутона.

Но меня он поразил своей деликатностью. Слово это как-то не очень на первый взгляд вяжется с армейским бытом, но точнее определения не подобрать. Да и язык его, манера говорить, сам голос, спокойный и мягкий, резко выделялись на общем фоне. Известен он был еще и тем, что в свое время отказался от присвоения ему звания полковника.

А это, согласитесь, Ч П. В хорошем смысле. Полковник, служивший в одной с Ивановым дивизии, но запятнавший офицерскую честь, говорил мне со злостью (после того как Николай Васильевич воспрепятствовал его стремительному восхождению на предгорья военного Олимпа), что по этому "правдоискателю тоскует дурдом".

– Вам не мешает ваша деликатность? – спросил я. – Ведь в армии это воспринимается скорее как недостаток, нежели

плюс.

— А по-моему, — ответил он, — нам в армии как раз и не хватает вежливости, уважения. Грубость и хамство дисциплину не поднимут. Солдат скорее откликнется на доброту. А у нас некоторые привыкли черствость называть аскетизмом, бездушные — порядком. Я в данном случае имею в виду не только армию, но и общество. Одно от другого не оторвешь.

Ведь если посмотреть в корень многих наших армейских ЧП, то легко заметить, что они проистекают не только из разгильдяйства, непрофессионализма, но зачастую именно из дефицита доброты. В том числе и самоубийства...

Иванов продолжал говорить, я — внимательно слушать, но краем своего мозга зацепился за последнее оброненное им слово — самоубийство.

...Парень получил письмо от любимой. В письме любимая сообщала, что нашла наконец того, кого искала всю свою жизнь. Солдат прочитал письмо. Положил его в нагрудный карман. Взял автомат. Засунул ствол в "рот. Уперся им в небо. Нажал спусковой крючок. Выстрел — мозги и кровь на стене.

...Старший лейтенант заметил, что у его солдата волосы на голове длиннее допустимой нормы. Старший лейтенант оседлал солдата. Как коня. Стал его стричь. После этого он слез с него. Еще раз убедился в том, что длина волос соответствует Уставу. Погрозил солдату указательным пальцем.

Пошел к себе в модуль. Солдат посмотрел на себя в зер-

кало. Взял автомат. Догнал старшего лейтенанта. Застрелил его. Пощупал его пульс. Убедился в том, что старший лейтенант мертв. Лишь после этого солдат покончил жизнь самоубийством.

...Во время физ-подготовки старший лейтенант сделал резкое замечание старослужащему и объявил наряд вне очереди. Старослужащий воспринял это как оскорбление его "дедовского" достоинства. После физ-подготовки старослужащий пошел в комнату офицерского модуля, где находился старший лейтенант с товарищами. Солдат остановился у порога. Разжал кулак. Выдернул чеку из гранаты. Швырнул ее в старшего лейтенанта. Промажнулся. Граната взорвалась над койкой. Офицеры успели выскочить из помещения. Осколки посекали стены. Поняв, что старший лейтенант жив, парень кинул в него вторую гранату. Когда она летела, старший лейтенант успел одним прыжком выбросить свое тело в коридор. Старослужащий не стал гоняться за ротным. Он вошел в его комнату. Взял с тумбочки ПМ⁹. И нажатием спускового крючка пустил себе пулю в висок.

– Пропавшие без вести? – переспросил Иванов. – Конечно, и такое было. Причем не раз. Вот гляньте-ка на эти списки...

Он протянул папочку с ворохом бумаг. Я начал читать одну за другой. Фамилии, имена, отчества, номера частей, даты рождения и компактные справки замелькали перед глазами.

⁹ Пистолет Макарова.

Минут через пять взор мой, точно клин, воткнутый в землю, встал на самой середине пятой страницы:

"...Рядовой Деревляный Тарас Юрьевич. В.Ч. П/П 518884.

Наводчик-оператор. 11.09.68-го года рождения, город Ходоров, Львовской области. Призван 14 ноября 1986 года Яворовским РВК Львовской области. Украинец. Член ВЛКСМ.

Отец: Деревляный Юрий Тарасович.

Пропал с оружием без вести 2 июля 1987 года..."

– Что с вами? – спросил Иванов.

– Я знаю этого человека.

– Деревляного? – Иванов ослабил ворот на шее.

– Деревляного. Более того – разговаривал с ним.

– В Афганистане?

– В Нью-Йорке.

– Погодите минуту. Я должен позвать офицера особого отдела...

Пока подполковник звал особиста, я успел прочитать лишь:

"...Рядовой Шаповаленко Юрий Анатольевич. Призван 3.08.83-го года. Измена..."

Особист, как я и предполагал, оказался человеком крайне

немногословным Без каких-либо запоминающихся черт лица – в этом, видно, и заключалась его главная особенность. Он разглядывал меня внимательно, и в его глазах ясно читалась помесь любопытства и настороженности.

По-моему, он никак не мог определить своего отношения ко мне и потому предпочитал слушать, но не говорить.

– Вы, – спросил Иванов, – виделись с Деревляным до или после объявления амнистии?

– После.

– Я понимаю, что вы устали, – Николай Васильевич бросил полтора кусочка сахара в свою кружку, – но без рассказа об этой встрече я вряд ли смогу отпустить вас спать.

Особист достал из нагрудного кармана блокнот и шариковую ручку.

– Хорошо, – согласился я, – но за это вы мне подробно расскажете про вашу жизнь, дивизию и войну. Идет?

Иванов улыбнулся:

– Идет.

Офицер особого отдела что-то пометил в своих записях.

V

...Нью-Йорк плавился под перпендикулярными лучами полуденного солнца. Люди чувствовали себя не лучше, чем бройлеры в электродуховке. Казалось, стонали от изнеможения даже признаки некогда роскошной растительности, что много десятков лет назад, на заре прошлого столетия, оказалась погребенной под улицами и домами гигантского города. Сквозь асфальт прорастали невидимые дикие каштаны, тутовники и дубы. Горожане прилипли к кондиционерам, тщетно охлаждавшим раскаленный воздух, пропитанный асфальтовыми испарениями и приторными запахами отработанного бензина.

Поэтому Крэйг Капетас и я несказанно обрадовались, когда добрались наконец до небольшого (по американским меркам) зданьица, в котором расположилась правозащитная организация "Дом Свободы". В десять часов утра там должна была начаться пресс-конференция шести бывших советских солдат, когда-то воевавших в Афганистане, оказавшихся по разным причинам в плену, потом освобожденных и вывезенных в США.

Часы показывали без четверти десять, и мы, с тоскойглянув на кондиционеры, торчавшие из окон "Дома Свободы", решили сделать еще пару кругов вокруг дома.

Сопровождавший меня Капетас работал старшим литсо-

трудником вашингтонского ежемесячника "Регардис", предложившего "Огоньку" осуществить двухнедельный обмен журналистами; "Огонек" дал согласие, и я, превратившись в специального корреспондента "Регардиса", должен был через несколько дней вылететь в Атланту, чтобы написать серию очерков для этого журнала. Капетасу предстояло стать корреспондентом "Огонька" и написать для нас несколько материалов под общим заголовком "Перестройка глазами американца". Если честно, то меня интересовала не столько Атланта, сколько возможность повстречаться с бывшими советскими военнопленными, оказавшимися в Америке. Еще из Москвы по телефону я попросил Капетаса устроить мне несколько таких встреч. С его-то легкой руки я и оказался в Нью-Йорке.

В моем нагрудном кармане лежало удостоверение внештатного корреспондента "Регардиса", помогавшее мне в тех случаях, когда не срабатывало краснокожее огоньковское удостоверение.

Ровно в десять мы переступили порог "Дома Свободы".

Расписавшись в журнале учета посетителей, я начертал напротив своей фамилии – "Корреспондент "Регардиса", Вашингтон". Странное чувство испытывал я в ту минуту – нечто наподобие того, что, наверное, ощущает человек, сделавший пластическую операцию лица и впервые после нее глядящий в зеркало: вроде я, да не совсем...

В "Доме Свободы" уже суетились репортеры, устанавли-

вая телевизионную аппаратуру и осветительные приборы.

Вскоре слышались шаги, и в конференц-зал вошли шесть молодых людей – Мансур Алядинов, Игорь Ковальчук, Микола Мовчан, Владимир Ромчук, Хаджимурат Сулейманов и Тарас Деревляный. Пока они занимали места за длинным столом, ломившимся от обилия микрофонов, я успел взять со стенда несколько брошюр, выпущенных издательством "ДС". В одной из них я прочитал, что четверо участников конференции совсем недавно прибыли на Американский континент, но Мовчан и Ковальчук живут здесь уже несколько лет.

...Наше отношение к солдатам и офицерам, попавшим в плен в Афганистане, эволюционировало по мере изменения взглядов на характер самой войны. В начале восьмидесятых это отношение можно было сформулировать как подозрительность. Доминировали стереотипы времен сталинщины.

Уж не говорю про дезертиров и тех, кто воевал на стороне повстанцев против своих же, хотя ненависть к ним – чувство совершенно естественное. И я сам, находясь в Афганистане, испытывал его не раз и не два. Но что было делать с этим чувством, когда, с точки зрения политической, война была неофициально признана трагической ошибкой, а с точки зрения морали – злом? В новой системе нравственно-этических координат, более или менее четко прорисовывавшихся в нашем общественном сознании к середине восьмидесятых годов, такое чувство стало выглядеть одиозно. Это по-

нимали все – и те, кто его испытывал, и те, кто подогревал, и те, кто его не принимал, видя в нем рецидив прошлой эпохи. И потому летом 1988 года Генеральный прокурор СССР Сухарев объявил амнистию всем военнопленным – вне зависимости от того, что они совершили.

И все же на вопрос о том, как относиться к человеку, решившему закончить войну не 15 февраля 1989 года, а, скажем, в 1982-м и подписать свой сепаратный мир, я до сих пор не могу найти однозначного ответа без всяких там "с одной стороны – так, а вот с другой...". Но, быть может, такого ответа вообще нет?

...Началась пресс-конференция. Первым выступил Ромчук. Он поблагодарил за предоставление убежища правительство США и лично президента, который помог освободить их из плена. Много хороших слов было сказано в адрес "Дома Свободы", русских и украинских эмигрантских организаций, позаботившихся о пленниках. Особая благодарность была выражена моджахеддинам. Потом слово взял худенький паренек со светлыми волосами. То был Мовчан.

– Приятно видеть, – сказал он, – что наконец СССР начал беспокоиться о своих людях, и поэтому мы, естественно, не имеем ничего против объявленной амнистии. Однако каковы ее гарантии? Пока их нет. – Он говорил с сильным украинским акцентом, время от времени употребляя английские слова. – Гласность не достигла того уровня, когда все вопросы без исключения можно было бы обсуждать в открытой

прессе. Что будет с нами, если мы вернемся, а в СССР произойдет очередное изменение политики в отношении дезертиров? Ведь у нас не будет права на независимую защиту, мы не сможем обратиться в прессу, чтобы отстаивать себя и свои права.

Хотя в СССР в последнее время много пишут о нас, были статьи и о Рыжкове¹⁰, мы не считаем это достаточным. Мы ничего не слышим о наших товарищах, вернувшихся в СССР из Лондона. Из Швейцарии возвратилось около десяти человек, а не двое участвовавших в московской пресс-конференции. – Мовчан достал сигарету и закурил. – Мало гласности в отношении Афганистана. И хотя война была неофициально признана ошибкой, пресса все равно продолжает писать о геройствах и благородных делах советских солдат на войне. – Он оглядел зал и затушил сигарету. – О'кей, я не хочу обижать тех ребят, которые жертвовали своей жизнью в Афганистане. Только я не могу понять, ради чего это было нужно.

Тарас Деревляный говорил неуверенно, тихо. Смотрел себе под ноги. Лишь раза два глянул в зал, но исподлобья.

– Я, – начал он, и легкое смятение коснулось его глаз, застыв в них, – полностью согласен с тем, что говорилось

¹⁰ Бывший советский военнопленный Н.Рыжков, вывезенный в США, по собственному желанию вернулся в СССР еще до объявления амнистии 88-го года. И хотя нашими консульскими работниками в Нью-Йорке ему была гарантирована свобода по возвращении, он, прибыв домой, вскоре оказался в тюрьме. Теперь он на свободе.

до меня... ("Это, братец, – мысленно сказал я ему, – у тебя осталось от наших комсомольских собраний – не вытравить!")... В амнистию, может быть, и смог бы поверить, но я живу здесь, в Америке, уже три месяца. И мне тут очень нравится.

От этих слов потянуло откровенным подхалимажем, но каким-то уж очень детским. Я невольно поморщился. Так ведет себя беспризорный щенок, стремясь понравиться человеку, подобравшему его на улице в стылый мокрый день.

– ..Меня Америка приняла, – продолжал он, вскинув голову и потряхнув волосами, – дала мне работу. Я буду учиться. Там, – он почему-то кивнул в дальний угол конференц-зала, – у меня такой возможности не было.

Я опять мысленно спросил его: "Это почему же?!"

– ..Я не хочу возвращаться домой, – он неожиданно усилил голос. – Как отнесутся ко мне люди, если я вернусь?

Чисто психологически... Скажут: удрал, а теперь возвратился. Скажут: он предатель! Мне не нужна амнистия! Я буду жить в Америке! Я отрекаюсь от советского гражданства!

Последние слова он почти выкрикивал.

Завершил пресс-конференцию Алядинов. После него слово взял один из наших дипломатов, разъяснил отдельные положения Сухаревского заявления.

Все, словно по команде, встали, разминая ноги, пряча диктофоны в карманы.

Я побрел в гостиницу, где журнал "Регардис" заброниро-

вал мне номер и прямо с порога повалился на скрипучую койку.

Я не мог заснуть и долго лежал, уничтожая сигарету за сигаретой, прокручивая в голове события, встречи и разговоры последних дней. Потом, словно на фотобумаге, опущенной в проявитель, в памяти начала прорисовываться давняя кабульская всамделишная история, известная как "Сказка про посла Табеева и солдата Круглова".

...Дело было еще в самом начале войны. Неожиданно до нашего посольства дошел слух о том, что бежавший из советской части рядовой Круглов находится в американской дипломатической миссии. Запросили наших военных. Те рапортовали: никто не пропадал. Тогда запросили американцев. Они подтвердили, но на просьбу о встрече с рядовым ответили: надо проконсультироваться с госдепом. Тем временем военные признали факт исчезновения Круглова из кабульской части, дав ему резко отрицательную характеристику: лентяй, лоботряс и все такое прочее.

Парень был родом из Свердловска. Находясь в американском представительстве, Круглов жил в комнате с не очень-то разговорчивым морским пехотинцем, до того служившим в Западной Германии. Два солдата помаленьку освоили язык мимики и жестов. Американец однажды спросил с завистью: "Ты ушел, чтобы открыть в Штатах бизнес? У тебя там уже удочки заброшены?" Круглов вылупил на морского пехотинца глаза и отрицательно покачал бритой головой. "Чего же

ты тиканул?" – не понял пехотинец. "Меня, – ответил руками Круглов, – избивал ротный".

Как выяснилось, самым близким для Круглова человеком была его классная руководительница. Связались с ней.

Она переправила в Кабул магнитофонную кассету с устным обращением к бывшему ученику. Американский временный поверенный разрешил передать пленку солдату и даже согласился на встречу советского посла с ним. Но при одном условии: не оказывать на парня морального давления.

Встреча началась. Посол спросил: "Сынок, что случилось?" Круглов объяснил, что ротный заставлял его ходить к дукащикам – продавать армейское барахло и приносить деньги. Он отказывался, и тогда ротный избивал его по-черному.

Во время встречи посол спросил солдата: "Пойдешь со мной?" Тот подумал и ответил: "Да". Посол взял солдата за руку, и они двинулись к двери. На выходе американский временный поверенный обратился к солдату: "Вы все окончательно взвесили?" Круглов остановился, кивнув. Пошел дальше, еще крепче сжав руку посла.

Через несколько часов солдата отправили в Москву...

Что стало с солдатом, не знаю. Но у посла все в порядке.

По-разному относятся в Союзе к тем, кто вернулся домой из плена. Особенно к тем, у кого была промежуточная остановка где-нибудь на Западе. Как-то раз, выступая перед ветеранами-афганцами", я сказал, что нельзя огульно охаивать

всех военнопленных, необходимо разбираться в каждом отдельном случае.

Послышался свист. Он был мне понятен.

В другой раз пришлось выступать перед собранием московской творческой интеллигенции, где я повторил те же мысли. Раздались негодующие крики. Но с другого фланга.

Игорь Морозов, когда-то воевавший в Афганистане и написавший теперь уже знаменитую песню "Мы уходим, уходим, уходим...", рассказывал о том, как его рота получила приказ уничтожить дезертира – дело было в самом начале войны, – убившего при побеге двух советских солдат. "Тот парень, – сказал Морозов, – сейчас сшивается где-то в Штатах. Если он посмеет сюда вернуться, – Игорь посмотрел на свои руки, – я убью его, невзирая ни на какие амнистии". В мае 89-го, давая концерт в московском Театре эстрады, он повторил те же слова. Зал откликнулся на них овацией.

Все еще слыша те яростные аплодисменты, я провалился в сон.

Но проснулся под гаубичные глухие выстрелы.

VI

Утром, после первого за несколько дней горячего завтрака, я пошел в медпункт переговорить с Мишей Григорьевым – начальником передвижной санитарно-эпидемиологической лаборатории. Он обещал дать мне несколько таблеток для дезинфекции воды.

У входа в медпункт, на морозе, лежали два трупа. Они были обернуты в фольгу. Чтобы ее не срывал горный ветер, тела погибших перетянули вдобавок несколькими витками бинта.

Утреннее солнце играло лучами по фольге. Ее металлическое сияние не вязалось с ее мрачным предназначением.

Трупы напоминали серебристые новогодние хлопушки для елки. В фольгу были завернуты тела сержанта Кипера и рядового Жабраева. Два часа назад они вместе с лейтенантом Горячевым ехали на машине по дороге Баграм – Джабаль-Уссарадж. Им оставалось всего ничего до КП дивизии, но их МТЛБ¹¹ попал под перекрестный огонь двух повстанческих отрядов. Пуля прошла насквозь голову водителя Жабраева, машина пошла юзом по льду, перевернулась. Киперу спастись не удалось. Горячева отвезли в Пули-Хумри. Он лежал в тамошнем госпитале без сознания. Врачи наде-

¹¹ Малый тягач, легкий, бронированный.

ялись, что выживет.

– Ничего, – сказал Григорьев, – выкарабкается. Организм здоровый.

Горячев не выкарабкался. Он скончался сутками позже, так и не придя в сознание. А еще через несколько дней в Союзе раздался тихий выстрел похоронки.

– Надеюсь, – Григорьев, прищурившись, кивнул на блеск фольги, – они последние в этой войне.

Но он опять ошибался.

С его братом, тоже военным врачом, я познакомился недавно в Баграме. Всякий раз, бывая в том боевом медсанбате, я вспоминал июль 86-го. Тогда я увидел там солдата, у которого вся кожа сгорела в подбитом вертолете. С такими ожогами человек не мог жить, но тот раненый жил. Каждые два часа ему кололи наркотик. Медсестре, не отходившей от него весь тот день, он говорил, что не жалеет о том, что приехал в Афганистан. Парень дотянул до вечера. Ночь провел уже в морге.

Жена, которую он оставил в Ленинграде, говорила потом, что "если бы Петенька не поехал в Афганистан, он нашел бы какой-нибудь другой способ самоубийства".

Но баграмский Григорьев не знал о том случае – его тогда еще здесь не было. Мы говорили с ним в передвижной операционной, оборудованной на базе бывшего рефрижератора.

– За год через наш медбат, – сказал он, – проходили тысячи раненых. Самые мраки были в 84-м и 85-м. Если за весь

88-й год мы произвели порядка пятидесяти ампутаций, то за 85-й – двести шестьдесят четыре. Цифры эти, ясное дело, не учитывают афганских раненых.

Григорьев достал из ящика стола какие-то тетради, полистал их, бросил обратно.

– Конечно, – развел он руками, – тяжело приходилось.

Особенно если учесть, что у нас не было и нет ни одной заводской медицинской машины или операционной... Последнее время раненых перевозили в Кабул преимущественно на БТРах и КамАЗах – кого сидя, кого лежа: "Спасители"¹² побаивались сюда летать. Я знаю, что создана прекрасная операционная на базе КамАЗа. Их всего две в наших вооруженных силах – видел на картинках. Одну из них прислали в ТуркВО на учения, но только не на войну – боялись, что угробим. Абсурд? Притом чистой воды! Мы здесь предложили принципиально новую схему развертывания медпункта и медицинского батальона в боевых условиях, но ее начальство оставило без внимания. Почти пятьдесят лет мы готовили страну к глобальной, стратегической войне, а в Афганистане пришлось вести малую. К ней мы оказались не готовы.

До 87-го всех раненых мы эвакуировали в кабульский госпиталь вертолетами – я не мог нарадоваться. Но с появлением "Стингеров" массовое использование вертушек запрети-

¹² Специально оборудованный военно-транспортный самолет для перевозки раненых.

ли. Приходилось до отказа набивать БТРы искалеченными людьми (по пятнадцать в машине) и отправлять по здешним, так сказать, дорогам в Кабул.

Все лекарства поступают к нам со складов в стекле. Как я потащу этот хлам в горы? Побью ж все! Даже повстанцы используют для транспортировки медикаментов в боевых условиях полиэтиленовые мешочки – удобно и компактно.

А мы все еще остаемся на уровне достижений времен Великой Отечественной.

Григорьев распахнул дверь, и в операционную ворвался свежий воздух. Он пах горелой бумагой. Серый пепел медленно опускался на пол.

– Это мы письма сжигаем: люди-то, – пояснил Григорьев, – уже уехали в Союз, а почта все идет... Мы вот уходим, а как они, – он кивнул на шедшего по аллее афганского военного летчика, – без нас останутся – не знаю. Не научились они у нас! Это трагедия. Показываю на днях их врачу трехзубый крючок, а он понятия не имеет, что это за штука-вина... Недавно привезли раненого с проникающим ранением в живот: два отверстия – входное и выходное. Афганский хирург берет обычные черные нитки, какими я штаны себе зашиваю, и начинает штопать отверстия. И все! В другой раз привезли к нам бойца – пуля застряла в брюшной полости. Живот надулся, как барабан. Я сделал операцию – оказалось, бедняге залепили дырку в кишке лейкопластырем.

Вошел фельдшер, взял с тумбочки целый ворох каких-то

склянок и столь же внезапно вышел. Его белый халат растаял в темноте.

– Ноя, – задумчиво произнес Григорьев, – чист перед афганцами. Чист перед самим собой. Я лечил людей, в меру сил старался их спасти. Вот через несколько недель меня тут не будет. А я не знаю, радоваться мне или плакать. Такое ощущение, будто в Союз еду доживать жизнь. Здесь я выложился до конца. Такого у нас никогда уже не будет. Может, такое и не нужно – не знаю... Но кем я буду, когда вернусь?

Он помолчал минуту. Зачем-то завел часы, хотя последний раз делал это минут тридцать назад.

– Я, – сказал он шепотом, – очень боюсь возвращения. Очень.

В глазах его печаль перемешалась со страхом.

В старости так бояться запаха сырой земли, в детстве – ночной пустоты, а в зрелости – неудач.

Джабальский Григорьев в будущее смотрел спокойно.

Отвалив мне целую пригоршню таблеток – каждая размером с пятак, – он пожелал мне сохранить то, что есть, – жизнь.

– Больше ведь нам ничего и не надо, – постановил он, а я вспомнил Баглан, 1987 год, апрель, воскресенье, шесть часов утра, ...Бои шли с девятой на восьмую улицу. Группировка Гаюра сопротивлялась отчаянно. Уже две недели наша дивизия держала ее в непробиваемом кольце, но уничтожить не могла. "Духовский" гранатометчик с расстояния в триста

метров прямой наводкой попал в нашего солдата на блоке.

Все, что осталось от человека, уместилось в гильзе от ДШК¹³.

Ни одно слово из того длинного набора слов, изобретенных для определения смерти человека, в данном случае не годилось, потому что не о ком и не о чем было сказать: "Он умер", "он погиб", "кончился", "отдал Богу душу". Не срабатывал и солдатский жаргон с его "гукнулся", "улетел", "сказал, чтоб довоевывали без него", "взял планку", "дембельнулся досрочно", "ушел в запас", "родился обратно", "вышел в проекцию", "выложился", "выпал в осадок", "спрыгнул"...

¹³ Крупнокалиберный пулемет.

VII

Полковник Сергей Ан...енко отвоевал в Афганистане двадцать один месяц. Долгое время командовал джабальским полком, но осенью 88-го был назначен замкомдива.

Хотя силы дивизии были растянуты вдоль дороги от Кабула почти до перевала Саланг, Ан...енко по-прежнему находился преимущественно в зоне ответственности своего бывшего полка, потому что знал ее как свои пять.

Был Ан...енко высок ростом, широк в кости. Лет – не больше сорока. На его подбористой фигуре ладно сидела военная форма. Серые глаза зверовато глядели из-под мощных надбровий, припорошенных (когда он снимал кепи) россыпью пшеничных волос. Волевая линия крепкого породистого носа делила остроскулое лицо пополам. Сквозь смуглую кожу тщательно выбритых щек пробивался едва приметный румянец. Золотистая полоска аккуратных усов прикрывала сверху рот, очерченный несколькими сильными короткими штрихами. Глубокая ямка рассекала правильный металлически поблескивавший на солнце подбородок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.